

Часть первая

Глава 1

Гриша Матросов старался не шуметь, возвращаясь домой в час ночи. Боялся разбудить остальных обитателей квартиры. Когда ему удалось тихонько, без грохота, лишь с мягким щелчком, закрыть дверь, он снял ботинки и стал на цыпочках продвигаться к своей комнате. Еще Гриша не зажигал света — так он тоже мог потревожить чей-то чуткий сон. Держась за стеночку, парень пересек прихожую. Оставалось нырнуть в коридор, где первая дверь — его, как Гриша почувствовал под своей ногой что-то мокрое, противное, как будто живое. Парню показалось, что он наступил на клубок дождевых червей. Или змей! И пусть ни тех, ни других в городской квартире никак быть не могло, Гриша испугался, так как ненавидел всех ползучих тварей, и отпрыгнул назад. И все бы ничего, но он локтем задел полочку, висящую под зеркалом. На ней стояли духи и лак для волос. Духи принадлежали Клавдии Андреевне, лак Наталье, и когда флаконы с грохотом упали на пол, обе женщины выскочили из своих комнат.

— Простите, что разбудил, — пробормотал Гриша, зажмурившись от яркого света, зажженного хозяйкой квартиры Клавдией Андреевной. — Я старался не шуметь, но...

— У тебя, как всегда, не получилось, — недовольно проворчала хозяйка. Затем подошла к валяющемуся

на полу флакону духов, подняла его и проверила, не треснул ли.

— Откуда ты в такое время? — спросила Наталья. Она, как и Гриша, снимала комнату в этой квартире.

— В гостях засиделся.

Девушка посмотрела на него с недоверием, но ничего не сказала. Гриша был нелюдимым, если не сказать — диковатым, и соседка считала, что у него нет ни друзей, ни приятелей. Она ошибалась! У Гриши был один друг и один же приятель. Но в этот поздний час он возвращался не от кого-то из них...

— Если б я знала, что он будет доставлять столько беспокойства, ни за что не сдала бы комнату, — услышал Гриша замечание Клавдии Андреевны. Она говорила сама с собой, но так, чтоб ее слышал и жилец, якобы доставляющий беспокойство.

На самом деле с Гришей не было абсолютно никаких хлопот. Почти все свободное время он проводил в своей комнате. Выходил из нее только затем, чтобы сходить в уборную и ванную и иногда приготовить себе что-то горячее (обычно ужинал бутербродами с чаем). Смотрел телевизор и слушал музыку в наушниках. Никого к себе не водил. Но, едва въехав, он разбил любимую вазу Клавдии Андреевны, а через неделю сломал ключ, тот застрял в замке, и его пришлось менять. Несмотря на то что это оплатил Гриша, хозяйка была на него сердита. Злополучную вазу несколько раз припомнила.

— В коридоре на полу что-то мокрое и... как будто живое, — начал оправдываться Гриша. Он не хотел портить отношения с хозяйкой. — Я наступил на это и...

Клавдия Андреевна метнула взгляд за спину.

— Наталья, — ледяным тоном проговорила она. — Ты опять?

— Что? — округлила глаза девушка.

— Бросила швабру в коридоре.

— Не бросила, я поставила к стеночке, — возразила Наташа. Она не робела перед квартирной хозяйкой. — Потому что вы были в ванной, и я не могла вернуть ее на нужное место. Сами же не разрешаете беспокоить вас, когда моетесь.

Натаалья проследовала к швабре с ворсом из толстых нитей, такими пользуются работники клининговых компаний, и потащила ее в ванную, именно там стояло ведро для нее. Гриша, подняв лак и водрузив его на полку, двинулся за ней. Коль он всех перебудил, можно умыться и зубы почистить. А Клавдия Андреевна ушла к себе, бубня о том, что молодежь нынче не та.

— И где ты был на самом деле? — спросила Натаалья, когда молодые люди остались одни.

Гриша надеялся на то, что соседка, воткнув швабру в ведро, сразу вернется к себе, но не тут-то было. Она уселась на бортик ванной и уставилась на Григория своими выпуклыми бледно-голубыми глазами.

— Я же сказал.

— Ты соврал.

— С чего ты взяла?

— А то я тебя не знаю, — фыркнула Натаалья. — Ты ни к кому не ходишь в гости. С работы сразу домой. В выходные иногда выползаешь из своей норы, но сегодня вторник.

— Уже среда.

— Ничего не меняет — будни.

Гриша выдавил на зубную щетку «Колгейт» и засунул ее в рот.

— Неужели бабу завел? — не отставала Натаалья.

Он продолжал чистить зубы.

— В интернете нашел, да? Такие, как ты, только там могут. На улице или в метро познакомиться ты

же не осмелишься. А работаешь ты в мужском коллективе.

Гриша сплюнул пасту и стал полоскать рот водой.

— И что в тебе не так, Гришань? — продолжала разглагольствовать соседка. — Вроде симпатичный парень, высокий. Не просто не дурак — умный. Видела я твой красный диплом академии управления. И чем ты с таким образованием занимаешься? Кошек да собак бездомных отлавливаешь. Как Шариков.

— Тот их душил, — возразил Гриша, — а я спасаю — отвожу в питомники, где их стерилизуют и пристраивают в хорошие руки.

— Ой, да какая разница? Я не об этом... Ты как будто не своей жизнью живешь.

— Глупости какие, — пробормотал Гриша, сорвав полотенце с пластмассового крючка с такой силой, что крючок сломался. Жди теперь очередного нагоняя от хозяйки.

— Ты еще и музыкант. Окончил спецшколу. В группе играл. А сейчас твоя гитара пылится в углу, и на ней не хватает нескольких струн.

— Спокойной ночи, Наталья, — сказал Гриша, утерев рот полотенцем. После этого он развернулся, чтобы спешно покинуть ванную, но соседка умудрилась ухватить его за штанину.

— Что это у тебя? — спросила она.

Гриша проследил за взглядом Натальи и внутренне содрогнулся. Кровь!

— Кетчуп, — смог выдавить из себя Гриша.

— Не похоже...

— Я хот-дог на ходу ел.

— Это же кровь, Гришань.

— Ой, да отстань ты от меня, — не выдержал парень. — Сказали тебе, кетчуп.

И спешно покинул ванную.

Гриша влетел в свою комнату и запер дверь. Привалившись к ней спиной, он перевел дыхание. От волнения оно всегда сбивалось. Поэтому Гриша, имея прекрасный голос, не мог солировать в группе, в которой когда-то играл на бас-гитаре. Да, Наташа ничего не придумала, он был музыкально одарен. И прекрасно образован. И симпатичен. В одном она ошиблась. Жил он своей жизнью. Именно сейчас — своей...

Отделившись от двери, Гриша прошел к столу и включил на нем лампу. Верхний свет он не любил. При нем любое помещение казалось неудобным, а уж его комната, темная, узкая, несколько десятилетий не знавшая ремонта, уставленная допотопной мебелью, — тем более. Гриша прожил в ней два года и половину этого срока думал о том, как бы съехать. Но сначала не хватало денег на что-то более приличное, а потом он понял, что привык к своей комнатухе, которая при приглушенном свете настольной лампы вполне к себе располагала.

Гриша плюхнулся на кровать. Узкая, такими обычно заставляли спальни детских загородных лагерей и больниц, она еще и скрипела под тяжестью восьмидесятикилограммового тела. Но тут же вскочил — и не потому, что кровать скрипела. Он был на взводе, и энергия, kloчущая внутри него, требовала выхода. Еще пару минут назад Гриша был относительно спокоен. Но стоило закрыть дверь, оказаться наедине с собой, как «вулкан ожил».

Он посмотрел на свои руки — они мелко подрагивали.

Метнувшись к зеркалу, Гриша заглянул в свои глаза. Зрачки расширены. Как у наркомана под дозой, но он никогда в жизни не употреблял запрещенных препаратов.

Сердце колотилось так, что, казалось, пробьет грудную клетку. Гриша сорвал с себя футболку и посмотрел на грудную клетку — ходит ходуном. Под кожей будто поршень работает...

Кровь, вспомнил он. Стянув штаны, Гриша сунул их в пакет. Завтра выкинет. Не жалко! Он носил дешевую одежду, а эти брюки вообще в секунд-хенде покупал. Им цена три копейки. На Грише остались трусы и носки. Секунду подумав, он снял и их. Но кинул не в пакет, а на кресло.

Обнаженным Гриша вернулся к зеркалу.

Худой, высокий, но складный. Не сутулый. Широкоплечий, гладкий. На теле практически нет волос, чуть-чуть на руках и ногах. Низкий уровень тестостерона? Возможно... Гриша не задумывался об этом. Ему никогда не хотелось выглядеть как мачо. А уродись он не таким симпатичным, вообще не переживал бы. Ему хотелось быть незаметным, серым, среднестатистическим...

Но, увы, ему повезло (в общепринятом смысле) со внешностью. Яркая, запоминающаяся, она привлекала внимание окружающих. Особенно девушек. К Грише постоянно клеились барышни, а когда он не реагировал на их заигрывания, нарекали геем. Но его не тянуло к представителям своего пола. Совсем! К противоположному, собственно, тоже не особо, но все же рядом с собой он представлял именно женщину. Какую конкретно, он пока не знал, поэтому не ввязывался в отношения. А просто секс его совсем не интересовал. Ни с девушкой, ни с парнем, ни с самим собой. Поэтому он отошел от зеркала, чтобы не видеть свои гениталии. «Вулкан ожил», и они вместе с ним.

...Он долго стоял неподвижно. Наконец сердце утомилось, зрачки сузились, руки обмякли. Его отпустило.

Гриша выключил свет, лег на кровать. Вытянулся. Завтра вставать в семь утра. Значит, нужно скорее засыпать. Но не голым же...

Матросов протянул руку к стулу, на котором было сложено его исподнее. В одной стопке трусы, в другой майки. Он взял «семейники», носил их, потому что комфортно и дешево, и натянул на себя. Теперь можно и спать. Смежив веки, Григорий приготовился к дреме. Обычно она окутывала его сразу. Но сегодня он был слишком взвинчен. Пришлось считать овец...

Дойдя до сто двадцать четвертой, Гриша погрузился в сон.

Глава 2

Роман Багров встал не с той ноги. Всегда первой опускал на пол правую, а сегодня — левую. А все из-за того, что ночевал не дома, и кровать стояла не у той стены, что в его спальне. Сначала Рома не придал этому значения. Но когда он ни с того ни с сего накричал на своего коллегу Митю Комарова и тот, насупившись, пробухтел: «Ты что, не с той ноги встал?», Багров вынужден был это признать. И подивиться тому, что этот незначительный факт влияет на его настроение. В другой день он бы просто ткнул коллегу носом в ошибку, допущенную им в отчете. Комаров бывал рассеянным, но не бестолковым — а Рома назвал его именно бестолковым, да еще матерно выругался. В чем тут же раскаялся:

— Без обид, Митяй, ладно? — примирительно проговорил он. Все равно что извинился. Полицейские друг перед другом расшаркиваться не привыкли.

— Я тебе не барышня кисейная, чтоб обижаться, — буркнул Комаров и, взяв отчет, отправился за свой стол.

Несколько секунд мужчины сидели молча. Митя то ли дулся, то ли сосредоточился на отчете, чтобы его еще раз не обозвали бестолковым. Рома же рта не открывал, опасаясь, как бы из него не вылетела очередная грубость. На сей раз в адрес судмедэксперта, который тянул с результатами экспертизы. А если Багрова сейчас понесет, он уже не остановится...

— Ты на себя в зеркало сегодня смотрел? — не поворачивая головы, спросил Митя.

— Мельком.

— Глянь повнимательнее.

Багров встал и подошел к висящему на стене круглому зеркалу. Придирчиво осмотрев свое отражение, пришел к выводу, что ничем от себя обычного не отличается. Те же серые глаза под густыми черными бровями, удлиненный нос с горбинкой, суховатый рот и квадратный подбородок. Волосы тоже лежат привычно: густые, коротко стриженные, с сединой на висках, они всегда чуть топорщились на макушке. В зубах ничего не застряло. Порезов от лезвия нет, поскольку Багров сегодня не брился.

— И что со мной не так? — поинтересовался он.

— Шею изогни.

Сделав, как советовали, Рома обнаружил под воротником рубашки багровый синяк.

— Если не собираешься засосом, как боевым орде- ном, светить, лучше застегни верхние пуговицы.

Но Багров поступил иначе. Он скинул рубашку и натянул на себя водолазку, хранящуюся вместе с другими сменными вещами в ящичке стола. Бывало, что на службе приходилось сутками пропадать, поэтому Роман и его коллеги держали про запас пару чистых маек-рубашек, а также теплых кофт на случай, если резко похолодает.

Переодеваясь, Роман ругался про себя. Не желал ведь он связываться с женщиной, что оставила отмену на его шее, но вчера ему, вымотанному, голодному, злону, так хотелось отдохнуть душой, поесть домашнего борща, заняться сексом, которого из-за тотальной занятости не имел уже два месяца, прижаться к мягкому податливому женскому телу и уснуть. И Багров позволил заманить себя в гости барышне, от которой он держался на расстоянии уже больше года. Ее звали Любой. Она работала секретарем у начальника. Имела педагогическое образование, преподавала после института в школе и считала педагогику своим призванием, но когда исполнилось тридцать, уволилась. Люба очень хотела замуж, а какие женихи в бабьем школьном коллективе? Физрук, трудовик и сторож. Один женат, второй пьет, третьему под семьдесят. В полиции же, как представлялось девушке, кавалеров масса, на любой вкус и цвет. Выбирай — не хочи. И Люба начала с просмотра личных дел, чтоб не обмишуриться и не связаться с женатым. Или трижды разведенным алиментщиком. Еще Люба исключила очень молодых стажеров и мужчин далеко за сорок. Оказалось, женихов и в полиции не так уж много. Побольше, конечно, чем в школе, но и не Клондайк, как она мечтала. Среди отобранных Любой кандидатов в мужа оказался и Багров. Причем именно он нравился ей больше остальных. И ему девушка начала оказывать знаки внимания первому. Но у Романа на тот момент все было в порядке с личной жизнью, имелась любимая девушка, считай, невеста, и другие барышни его не интересовали. Тогда Люба переключилась на Митю Комарова. Тот на заигрывания ответил, не подозревая о том, что после трех недель отношений ему начнут намекать на то, что пора бы уже и в загс пойти. Митяй переругался, как бы перезревающая не-

веста не забеременела, чтоб его на себе женить, и дал деру. Причем в буквальном смысле: уехал в длительную командировку и за два месяца ни разу Любе не позвонил.

Попереживав немного, девушка переключилась на другого опера. Но спугнула и его. С третьим потенциальным женихом Любовь была осторожна, но он превысил служебные полномочия, покалечил подозреваемого, за что был изгнан из органов с условной судимостью.

Так за полтора года Люба мужа и не нашла. С Ромой она все это время продолжала флиртовать, но он, хоть и расстался со своей девушкой семь месяцев назад, оставался непоколебимым...

До вчерашнего дня.

Из-за этого он сегодня такой злой. А не потому, что не с той ноги встал.

Да, Рома, прежде чем принять приглашение Любы, сообщил ей о своем нежелании вступать в отношения, и она приняла это. Сказала, что сыта ими по горло и хочет просто приятно провести вечер. Багров ей не до конца поверил, но, очистив совесть предупреждением, отправился с Любой к ней домой. Они выпили ледяной водочки, поели борща (официально Багрова пригласили именно на него), немного поболтали и занялись сексом. После чего уснули. Вот только Люба так навязчиво обнимала Рому, а он так настойчиво от нее отстранялся, откатывался, отползал, что оба не выспались, и Багров встал не с той ноги...

А тут еще этот засос. Как же, не хочет Люба отношений. Заклеймила после первого же секса.

Продолжая досадовать на себя, Багров прошел к стоящему на подоконнике чайнику и включил его. Пока вода грелась, искал заварку, но обнаружил пустую пачку из-под нее в урне. Пришлось заливать ки-

пятком отвратную бурду, которую коллеги почему-то называли кофе. Багров был чаевником, поэтому на правах старшего опера не настаивал на покупке хорошего кофе. О чем сейчас пожалел.

Зазвонил телефон на столе Комарова. Митя снял трубку. Поговорив пару минут, он развернулся к Роману, стоящему все у того же подоконника с кружкой в руке, и выдохнул тяжело:

— Опять.

* * *

Спустя четыре часа Багров и Комаров возвращались в отдел с места преступления. Ехали на машине Ромы. Он, яростно крутя баранку старого-престарого «Мерседеса», возмущался:

— Как так может быть, чтоб в густонаселенном, оживленном районе труп пролежал десять часов? И не в люке канализационном или яме глубокой, а в кустах в ста метрах от трамвайной остановки!

Митя страдальчески поморщился, когда автомобиль подпрыгнул на ухабе, который Багров не удосужился объехать, и спокойно объяснил:

— Трамвай этот ходит в промзону, на нем работяги ездят на смены. К первой — в пять утра. Думаешь, человек, вставший в четыре, что-то замечает вокруг себя?

Вопрос был риторическим, поэтому Багров не стал отвечать на него, вместо этого задал свой:

— Тетка, что обнаружила тело, что тебе сказала? — Именно Комаров с ней беседовал.

— Да ничего интересного. Шла домой из магазина, и вдруг по малой нужде приспичило, решила в ближайших кустиках присесть, а там труп... В общем, еще и по-большому чуть не сходила со страху. — Опять машину подкинуло, теперь после того, как одно из колес

попало в выбоину на асфальте — дороги в этой части города оставляли желать лучшего. Митя продолжил: — Покойницу тетка узнала. Сказала, видела несколько раз возле остановки. Привлекла к себе внимание дредами. Они сами по себе интересны, а у нашей девочки еще и зелеными были. Она стояла всегда одна, уткнувшись в телефон...

— Которого мы ни при ней, ни поодаль не обнаружили.

— Как и кошелька.

— И если бы не эта чертова струна, можно было бы подумать, что убийство было совершено с целью ограбления.

Эта чертова струна...

Восемь месяцев назад в городском парке на территории закрытой на реновацию летней веранды-«ракушки», где бабушки нынешней молодежи вальсировали и пели под гармонь, был обнаружен труп мужчины. Он был задушен. Но не руками, а, как предположил судмедэксперт при осмотре тела, толстой проволокой. При более тщательном изучении тела он увидел на шее вертикальные бороздчатые полосы. Совсем небольшие, длиной в пару миллиметров. И внес уточнение — рифленной. Поскольку место преступления являлось еще и строительной площадкой, то это никого не удивило. Опера принялись искать орудие убийства, но ни один из найденных обрывков проволоки не подходил. Однако при повторном осмотре территории обнаружилась струна. Гитарная. Басовая, то есть самая толстая. Никаких следов на ней, ни крови, ни отпечатков пальцев. Но она валялась черт-те где, была поклевана птицами и, возможно, потаскана животными, что неудивительно. Однако эксперт сказал, что борозды на шее, скорее всего, появились из-за того, что эта или подобная струна была накинута на шею покойного.

То был наркоман. Ширился в заброшенных местах парка. Любил «ракушку». Там выступал когда-то. Играл на синтезаторе и гитаре. Пел. Потом жизнь пошла под откос и закончилась там, где когда-то была ключом.

Кто убил наркомана-музыканта, следствие до сих пор выясняло. Если бы Багров и коллеги стремились лишь к высокому проценту раскрываемости, упекли бы кого-нибудь за решетку. Но главное — наказать виновного, а не отчитаться, так ведь? И дело все еще висело...

Как и еще одно. Когда Багров думал об этом нераскрытом деле, сердце его обливалось кровью. Погибла девушка. Юная. Милая и талантливая. Ее тоже задушили. И совершенно определенно струной. Она была обернута вокруг шеи покойной. На струне обнаружилась кровь, частички кожи, но не было отпечатков. И это понятно. Затянуть толстую проволоку на горле кого-то, не поранившись, невозможно. Значит, нужно надеть перчатки, чтобы это сделать. Плотные. Тот, кто задушил девочку, нашел кожаные. На проволоке остались частички свиной кожи...

И вот еще одна жертва! Постарше. Но все равно молодая. У которой впереди была вся жизнь.

На шее струна...

Но нет телефона и кошелька.

Багров был уверен, что это не убийца забрал ценное. Кто-то из ошивающихся на месте алкашей наткнулся на труп и умыкнул то, что покойнику уже не пригодится. Да, он мог бы вызвать полицию по украденному телефону, но зачем?

Глава 3

Паша считал себя человеком добрым. Окружающие его люди разделяли это мнение. «Мухи не обидит» — это про него. Паша за жизнь свою не только

физической боли никому не причинил, даже голоса ни разу не повысил. Жена считала это трусостью, мама слабохарактерностью и только дочь — достоинством. Для нее Паша был лучшим мужчиной на земле. А она для него... Центром вселенной!

Его детка... Дашенька. Он полюбил ее еще до того, как она появилась на свет. Да буквально сразу, как узнал, что станет папой, так и полюбил... Комочек плоти. Без ручек, ножек, не говоря уже о прочем. То есть Паша не знал доподлинно, какого пола родится ребенок. Но почему-то был уверен — женского. Он себе сразу представил бутузика с розовым бантом на макушке. Этот самый бант он начал цеплять на волосы своей девочки, когда они были еще пухом. Жена ворчала, мама крутила пальцем у виска, обе считали, что ребенку, который едва сидит, больше подойдет чепчик. А Дашеньке нравилось. Когда она видела себя в зеркале с бантом на голове, заливалась смехом. Правда, вскоре она этот бант сдирала и начинала то тереть, то тащить в рот.

Даша росла славным ребенком: некапризным, приветливым, сообразительным. Болела редко. Но ее матери не нравилось, что девочка не имеет друзей. Другие дети друг к другу в гости ходят, играют вместе или просто гуляют, а Даша сидит дома одна, рисует, книжки читает (до того как научилась читать, листала) да своим куклам платья шьет. Она не понимала, что у дочери есть друг. Настоящий. Единственный...

И это ее отец.

Все свободное время Паша проводил с Дашей. Они и гуляли, и играли, и ходили вместе в гости. Да не к детям, а к взрослым. Двум дядям Сашам. Первый был двоюродным братом Павла, второй другом. Оба Саши не нравились супруге, и она не желала видеть их в своем доме (хотя каком своем, если они жили с Пашиной

мамой в ее квартире). А вот Даша к обоим прониклась симпатией. С ними ей было весело. Дядя Саша любил выпить и «под мухой» играл с девочкой не в прятки, салки, а тем более дочки-матери и больницу, а в космонавтов, пиратов, циркачей. Иногда в зоопарк — папин брат изображал разных животных, а Даша угадывала, кого именно. Второй Саша, его она называла дядечкой Сашечкой, потому что друг отца был таким крохотным, что походил на подростка, развлекал ее песнями и частушками. Он знал их такое количество, что ни разу не повторился, исполняя их. Он тоже выпивал, но редко. Но когда принимал на грудь, не мог остановиться. Пил столько, что терял человеческий облик. В такие дни Паша дочь с собой к дядечке Сашечке не брал. Ходил один. Проверял друга. Потому что заставить его остановиться не мог никто. Саша сам, пропившись дня четыре, максимум неделю, завязывал и держался от трех месяцев до полугода.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты! — ругалась Лена, жена Павла. — Связался с алкашами, позоришь себя!

— Но папочка же не алкаш, — вступалась за Пашу дочка, тогда еще совсем маленькая, четырехлетняя. — Он вообще не пьет.

— А думают, что синячит вместе с дружками.

— Кто так думает? — недоумевала Даша.

— Все! — безапелляционно заявляла ее мать. — Нет бы с соседом Петровым подружился, он уважаемый человек — председатель ТСЖ, так нет, связался с шушерой какой-то...

— Почему с шусерой? Дяди Саши хорошие.

— А ты откуда знаешь? Уж не водит ли твой папаша тебя к ним в гости? — сурово говорила мама и грозно смотрела на мужа. — Ты мне ребенка к ним таскать не смей, понял?

Паша кротко кивал. И в такие моменты Дашу охватывал ужас. Неужели он лишит ее игр с дядей Сашей и частушек дядечки Сашечки? Но Паша каждый раз успокаивал дочь, и они продолжали ходить в гости к друзьям Паши, но тщательно скрывали свои визиты не только от мамы, но и от бабушки, чтоб та не проболталась по простоте душевной.

Как ни странно, именно эти попивающие мужики стали самыми близкими Дашиными людьми. После папы, конечно. И, пожалуй, бабушки. Потом следовали дяди Саши и только за ними мама.

Нельзя сказать, что Даша ее не любила. Просто держалась на расстоянии. Жена Павла была женщиной властной, кичливой и крикливой. Все должно было быть по ее. Муж — вкалывать как проклятый, пробиваться в начальники, дочь — учиться на одни пятерки и блистать талантами. Все для того, чтобы женщина могла хвалиться перед коллегами, соседями и родственниками. Паша же с Дашей, как будто назло ей, звезд с неба не хватало. Муж как работал мастером смены, так и продолжал это делать, дочь неплохо успевала, но получала и четверки, и даже тройки. И, главное, обоих это устраивало. А Лену нет! Поэтому скандалы в их доме вспыхивали часто, и всегда их инициатором являлась супруга Павла. Когда Лена начинала орать, он просто уходил в туалет, запирался в нем и читал газеты, сидя на крышке унитаза. Он не пытался возражать жене, знал, что его все равно не услышат. А дочка с матерью спорила. Что-то ей доказывала. Но последнее слово все равно оставалось за матерью. Или бабушкой. Та, если оказывалась свидетелем скандала, не вмешивалась до тех пор, пока у нее от ора невестки мигрень не начиналась. Тогда-то мать Павла и затыкала Лене рот:

— Не нравится муж, иди, найди другого! У тебя, такой умницы-красавицы, поди, отбоя от поклонников нет!

Бабка знала, куда бить. Дело в том, что Пашина жена Лена не блистала ни умом, ни красотой. Кроме этого не было в ней того женского шарма, что делает некоторых дурнушек пикантными, интересными, очаровательными — в общем, желанными.

Паша познакомился с Леной в заводской столовой. Оказались за одним столиком, потому что свободных мест больше не было, разговорились. Девушка понравилась ему в общении, а вот внешне не очень. Серенькая. Разве что глаза хороши. Ему всегда черноглазые нравились. А у Лены очи как две вишни были.

Она сама его пригласила вечером погулять. Паша не отказал. И они провели время просто чудесно. Лена тогда очень старалась казаться легкой, милой, веселой, понимающей. У нее получалось. Или же просто Паша плохо разбирался в женщинах?

Он не собирался вступать с ней в романтические отношения. Дружить — да. Помогать по малости. Но Лена, засидевшаяся в девках, во что бы то ни стало решила заполучить Пашу. Холостой, непьющий, работающий, да еще и мягкотелый. Если за такого серьезно взяться, можно в люди вывести: сначала в мастера цеха, затем в начальники. Тогда она еще не знала, что тихушник Паша крайне упрям и заставить его делать что-то против воли невозможно.

В кровать Лена его затащила спустя два месяца после знакомства. И вскоре сообщила Паше, что беременна. Он, как честный человек, сделал ей предложение.

Маме невестка не понравилась: невзрачная, необразованная, склочная. Но она радовалась тому, что Паша наконец женился. Ему было тридцать четыре года на тот момент, уже не мальчик. Да и внуков женщине хотелось.

Через шесть с половиной месяцев после свадьбы родилась Дашенька... Пашина отрада.

В двенадцать лет у девочки, на радость матери, открылся талант. У нее появился ГОЛОС! Именно так, с больших букв. Потому что пела она и раньше — ходила в хор. Но была одной из многих. И вдруг стала солисткой. Руководитель хора поставил Дашу вместо заболевшей «примы» и был крайне удивлен тому, что она поет гораздо лучше ее. Ведь он всех прослушивал, прежде чем принять в хор, и Даша не выделялась среди других. И вот спустя два года она обрела соловьиный ГОЛОС.

— Обязательно наймите девочке педагога по вокалу, — советовал Елене руководитель хора. — Талант нужно развивать.

— Конечно, обязательно, — заверяла его радостная мать. Наконец-то у нее появился повод для гордости.

— Я дам вам телефон отличного преподавателя. Он просто волшебник.

Лена позвонила тому, но, услышав, сколько «волшебник» берет денег за свои услуги, чуть не захлебнулась гневом. Одно занятие стоило, как... как... кроссовки! Причем не рыночные китайские. А вполне себе неплохие. А заниматься следовало как минимум два раза в неделю. Грабеж!

— Пусть Саша с ней позанимается, — предложил Паша.

— Какой еще... — усмехнулась Лена. — Уж не твой ли братец?

— Нет, другой Саша.

— Алкаш?

— Он не пьет уже больше полугода. То есть перешагнул свой рубеж. Говорит, все, завязал окончательно.

— Даже это не делает его педагогом по вокалу, — запальчиво возразила Лена.

— Это нет. А диплом его говорит о том, что Саша получил прекрасное образование по классу вокала.

— Кто? — уничижительно протянула жена.

— Саша, — терпеливо повторил Павел. — Между прочим, в консерватории учился. На народном отделении. Он с радостью позанимается с Дашенькой. При чем абсолютно бесплатно.

Лена согласилась на это, и отец с дочерью получили полное право посещать дядечку Сашечку.

Это было замечательное время! Даша со своим новоявленным педагогом распевалась, а Павел со вторым Сашей, присоединявшимся к ним, играл в шахматы. Братец прихлебывал из фляжки. А когда выпивал ее содержимое — обычно это был дешевый портвейн, — неся в комнату, где занималась Даша, хватал, взваливал ее на плечо и волок в соседнюю, чтобы играть все в тех же космонавтов и пиратов. И ни учитель, ни отец не возражали. У ребенка должно быть детство. В первую очередь оно: с играми, забавами, дурачеством. И так сначала школа, потом хор, затем занятия. А отдохнуть когда?

— Твоя дочь станет великой певицей, — заявлял Сашечка с непоколебимой уверенностью. — У нее не только голос, но и правильное понимание музыки.

— Как это?

— Она слышит ее и чувствует. Этому не научишь. Я помогу поставить голос, а остальное у нее уже есть...

Паша передал эти слова Лене, и она так обрадовалась, что недели две дома скандалов не закатывала.

Когда Даше исполнилось тринадцать, ее голос стал еще красивее. Она уже превратилась в девушку, и он начал приобретать глубину. Сашечка продолжал заниматься с Дашей. Но теперь к нему Павел ее одну отпускал. Он бы и рад был к ней присоединиться, да ногу сломал. Шел с работы домой, запнулся и... Как в кино, упал, очнулся — гипс!

Нога долго заживала. Паша на больничном два месяца проторчал. Из дома только в поликлинику выходил. С друзьями в этот период виделся, лишь когда в больнице лежал. Они его навещали. А как выписался, все. Попал, что называется, в зону отчуждения. Жили они в пятиэтажке без лифта на последнем этаже, и спускаться вниз с костылями было крайне проблематично. Поэтому Паша лишний раз из дома не выходил. А в дом его друзьям был вход заказан. Конечно, явись они, Лена не посмела бы их выгнать, но Саши, зная, как ведьма (они называли ее только так) к ним относится, не рвались в гости. Ждали, когда Паше хотя бы снимут гипс и он станет дочку сопровождать.

...Он на всю жизнь тот день запомнил. Причем в мельчайших деталях. Даже запахи, сопровождающие его на протяжении него — жареных котлет дома, лекарств в больнице, прелой листвы на улице. А еще жженой резины! Когда он ковылял от поликлиники, его едва не сбил автомобиль. Шел дождь, а у водителя старенького «Москвича» плохо работали дворники. Паша чудом не оказался под колесами авто.

Домой он из-за этого явился с опозданием и не застал дочь, она ушла к Сашечке. Запах котлет все еще витал в воздухе. Паша съел одну, попил сладкого чая. В квартире он находился один, жена с матерью куда-то ушли, но если обычно он наслаждался возможностью побыть в тишине и покое, то теперь ощущал какую-то нервозность. Включил телевизор, стал смотреть передачу о Ванге. Рассказ о болгарской ясновидящей его не увлек. Мысли постоянно куда-то уносились. Но по прошествии времени он вспомнил и его. В мельчайших деталях...

Стемнело. Паша подошел к окну и выглянул на улицу. Дождь перестал. Но выпавшие за день осад-

ки образовали огромные лужи, которые долго будут сохнуть. «Надеюсь, Дашенька в резиновых сапогах пошла, — подумал Паша, — а не в кроссовках. Ноги промочит, застудится, голос потеряет...»

Беспокойство нарастало. Не пора ли уже Даше вернуться? Время-то уже...

Он достал сотовый, набрал дочкин номер. Ему не ответили. Когда они с Сашечкой занимались, Даша выключала звук, чтоб не отвлекаться, поэтому можно было не волноваться, значит, еще поют, но...

Паша волновался! Все больше и больше!

Он позвонил Саше. Ответа нет. Он тоже отключал звук на время занятий. Набрал брата. Спросил, не у Санечки ли он. Тот ответил отрицательно.

— А что случилось? — взволновался брат, поняв, что с Пашей что-то не то.

— Даша давно к нему ушла, а все не возвращается...

— На домашний пробовал звонить?

— Он отключен сто лет назад.

— Паш, не так уж и поздно, чтоб волноваться, — попытался успокоить его Саша.

— А я волнуюсь!

— Съездить мне к Сане?

— Будь другом.

— Хорошо...

По его голосу было ясно — бухой. Причем изрядно. В таком состоянии брат обычно очень активен. Так что совершенно точно дома не останется, а направится к Санечке. Пять остановок на метро без пересадок и десять минут пешком. Для брата это хорошее развлечение. В подземке вступит с кем-нибудь в диалог, потом пройдет, продышится. У ларька, что возле дома Сашечки стоит, пивка себе купит разливного. По его уверениям, там оно самое лучшее в Москве.

Поговорив с братом, Паша немного успокоился. Еще одну котлетку съел и выпил очередную кружку сладкого чая. Передача про Вангу кончилась, начались новости. Их смотреть не хотелось — переключил на мультфильмы. Старые добрые советские мультики, главными героями которых выступают очеловеченные звери. Паша любил именно такие. Причем кукольные. В отличие от дочки. Та обожала рисованные мультики, больше диснеевские. Но и «Ну, погоди!» смотрела с удовольствием...

Снова сердце кольнуло! Паша бросил быстрый взгляд на часы. Прошло двадцать минут. Саша еще не добрался до дома Сашечки. Звонить ему бесполезно.

Хлопнула дверь. Паша выглянул в прихожую. Жена!

— Как нога? — спросила она.

— Нормально, — ответил Паша.

Лена кивнула и прошла в кухню. Ей до мужа не было дела. Про ногу спросила не потому, что беспокоилась. Хотела, чтоб он скорее на работу вышел. Больничный оплачивался уже не в полном объеме, и Лена ощущала нехватку денег — Паша отдавал ей всю зарплату.

Нога ныла. Что неудивительно. Кости только-только срослись, да и погода... И все же Паша, взяв трость, поковылял к входной двери.

— Ты куда? — спросила Лена, выглянув из кухни.

— Встречу Дашу.

— Как будто она без тебя дорогу не найдет, — проворчала Лена. — Девке уже тринадцать лет, взрослая.

— Темно на улице, беспокоюсь.

— Осень на дворе. Темнеет в семь вечера.

— Но сейчас уже девятый час.

— Детское время. «Спокойной ночи, малыши!» даже не начались.

Лена была права. Час был не поздний, и объективными причинами паническое Пашино состояние было не объяснить.

— Хочу подышать воздухом, — выпалил он, сорвав куртку с вешалки. — Заодно и Дашу встречу!

— Муки купи! — крикнула ему вслед жена. — Я блинов напеку.

Нога болела все сильнее. Ее жгло так, что мутнело перед глазами. Травмированной конечности требовался покой, но Паша упорно шел вперед.

— Сынок! — услышал он удивленный возглас. — Ты куда?

Это мама, поднимаясь по лестнице, увидела Пашу.

Он отмахнулся. Нервозность достигла пика. Пашу трясло!

Спустившись, он толкнул дверь подъезда. В лицо ударил порыв ледяного ветра. Пока шел дождь, было тихо, но когда он прекратился, подуло. Паша накинул на голову капюшон и зашагал к автобусной остановке. Но на полпути встал на обочине, поднял руку. Маршрутку он может прождать десять, пятнадцать минут, а «бомбила» домчит его без задержек.

Возле Павла затормозил «Рено Логан». Он, не спросив цены, забрался в салон, назвал адрес.

Зазвонил телефон. Паша вынул его и глянул на экран. Саша!

— Слушаю, — выпалил Паша.

— Ты только не волнуйся...

Лучше б он этого не говорил!

— Что случилось? — заорал Паша, напугав водителя.

— Саня в дым пьяный. Спит на полу.

— А Даша?

— Ее нет. Я растолкал Саню, расспросил, он сказал, что была, но, увидев, в каком тот состоянии, ушла.

— Когда это было?

— Он не может сказать. Говорю же, в дым пьяный. Сорвался все же...

— Жди меня у подъезда. Буду минут через десять.

— Ты только не...

Но Паша не стал ожидать окончания фразы, отключился.

Не волнуйся?

Дочь ушла от Сашечки как минимум два часа назад. Где она ходит? На улице то дождь, то ветер! Зашла к кому-то из одноклассниц? Но она ни с кем близко не дружит. А дома папа, которому сняли гипс...

— Можно быстрее? — воскликнул Паша, хлопнув водителя по плечу.

— Нет, — огрызнулся он. — Впереди менты. Не видишь, что ли, встречные машины подмигивают?

Они ехали не так уж и медленно, но Паше казалось — тащатся как черепахи. Наконец, он увидел знакомые здания и остановку. А еще две полицейские машины с мигалками. Причем только одна из них принадлежала сотрудикам ДПС.

— Что-то случилось, — пробормотал водила.

— Авария?

— Нет, посерьёзней беда...

Паша сам не знал, что заставило его попросить бомбилу остановиться, не доехав до дома Сашечки. Просто вдруг ощутил непреодолимое желание выйти. И когда авто остановилось, он вывалился из дверей чуть не в руки одного из полицейских.

— Сюда нельзя! — рявкнул он. — Не видите, что ли? — И указал на яркую ленту, опоясывающую участок сквера за его спиной.

— Что произошло? — выдавил из себя Паша, заметив, что на пожухшей траве лежит человек. Явно, мертвый.

— Убийство. Идите себе...

Тут к трупу подбежал мужчина с чемоданчиком. Наверное, криминалист. Он опустился на корточки, взял покойника за руку и...

Рукав плаща задрался, оголив запястье, и Паша увидел на нем знакомый браслет. Точно такой, массивный, с ярко-розовыми стразами, он подарил дочери на день рождения. Для бижутерии он был слишком дорогим, и Лена была против покупки, но Паша, зная, как Дашенька хочет его, приобрел.

Он рванул вперед, оттолкнув полицейского.

— Куда? — взревел он, схватив Пашу за локоть. Но тот вырвался, хотя хватка была медвежьей. — Мужики, тут псих какой-то, держи его! — крикнул полицейский своим коллегам.

Но Паша не дал себя удержать. Он подбежал к трупу, упал на колени...

Только не Даша, только не Даша...

Билась мысль в унисон с пульсацией крови в висках.

Браслет — ведь это ничто! Мало ли таких?

Но в мокрой траве лежала именно его дочь. Со страшными багрово-красными следами на шее. С открытыми глазами, в которых застыли недоумение и ужас. С прокушенной от боли губой с остатками блеска любимого оттенка «карамель». Паша понял, что Дашу задушили, но не сразу сообразил, что струной. Она обвивала шею дочки, как змейка.

В следующий момент Павла схватили. Уронили лицом вниз.

Если бы его убили, он был бы рад. Или хотя бы покалечили. Но тут прибежал брат Сашка, стал орать, чтоб отпустили, потому что он отец...

Что было потом, Паша не помнил. У него что-то взорвалось в голове.

Но даже после этого он не умер. У него всего лишь случился микроинсульт, после которого восстанавливаются всего несколько дней.

Глава 4

Клавдия Андреевна лежала в кровати и смотрела в потолок когда-то карими, а теперь желто-зелеными глазами. Они с возрастом выцвели, утратили былую миндалевидную форму, но остались зоркими. Клавдия не носила очков, чему особенно радовалась, когда отмечала, что все ее ровесницы в них. Кто близорук, кто дальновзорук, а она и на расстоянии предметы четко видит, и буквы не расплываются, когда читает. Жаль, слух уже не тот, что раньше. Сейчас, например, Клавдии Андреевне приходилось напрягать его, чтобы понять, одна ли она в квартире.

Жильцов своих она не то что бы не любила... Они ее раздражали. Одним только присутствием. Даже когда сидели тихо, как мыши, в своих комнатах, Клавдия злилась на них. Про себя называла оккупантами и при любом удобном случае давала выход своему раздражению. Чаще срывалась на Гришу, хотя Наташка доставляла больше проблем. Но эта языкастая ростовчанка, торгующая на ближайшем мини-рынке медом и орехами, давала квартирной хозяйке отпор, и у той не всегда получалось оставить последнее слово за собой.

«Оккупанты» появились в квартире Клавдии Андреевны Петровской пять лет назад. Не эти, другие. Студенты. Но они не задержались надолго. Как и семейная пара из Украины. Не смогли ужиться с Петровской и съехали, невзирая на то, что брала она с постояльцев немного. Клавдия первое время радовалась своему одиночеству, наслаждалась тем, что в квартире тихо, чисто, все вещи на своих местах, никто

не мельтешит перед глазами и не занимает ванную, но когда деньги, полученные от бывших арендаторов, заканчивались, она впадала в уныние. На крохотную пенсию ей не прожить. Половину ее съедала квартплата, а хотелось еще вкусно покушать, купить нормального коньяка, настоящего армянского, к которому Клавдия питала слабость еще с молодости, сходить в филармонию. А еще на черный день откладывать начать пора. Не на похороны — Клавдии Андреевне было все равно, как они пройдут, а на период болезни. Это пока здоровье отменное, и она принимает лишь витамины, иногда аспирин, а для нормализации давления две стопочки коньяка, но придет время серьезных болячек, и тогда на лекарства потребуются большие деньги, которых у нее нет. И Петровской ничего не оставалось, как вновь пускаться в дом жильцов.

...Клавдия встала-таки с кровати, подошла к двери и приоткрыла ее. В квартире стояла тишина. Пахло кофе и горелым хлебом. Значит, Наташка позавтракала на бегу, раз спалила гренки, и умчалась на свой рынок. Осталось выяснить, дома ли второй жилец. Он покидал квартиру в разное время, поскольку иногда добирался до работы на метро, а иногда за ним заезжали на машине.

Накинув халат поверх фланелевой ночной рубашки, Клавдия вышла из спальни. Гриши дома не оказалось, что не могло не радовать. Однако хорошее настроение улетучилось, едва она увидела на плите немытую сковороду с приставшими к ее дну хлебными крошками и сломанный крючок в ванной.

Бубня себе под нос проклятия в адрес оккупантов, Клавдия Андреевна вернулась к себе в комнату, чтобы привести себя в порядок. Она не относилась к числу тех пожилых дам, что каждый день наносят макияж, накручивают волосы на бигуди, носят бусики, шляпки,

горжетки и лодочки на умеренно высоком каблучке, но и в бабку превращаться не собиралась. Никакого бесформенного трикотажа, откровенной седины, съемных зубных протезов. Клавдия Андреевна раз в месяц посещала парикмахера, который стриг ее, как она сама говорила, под Мирей Матье, и красил ее волосы в темно-каштановый, носила брюки и водолазки, даже летом, поскольку постоянно мерзла, из украшений — серьги с жемчугом и обручальное кольцо. Выглядела Клавдия Андреевна не моложе и не старше своих семидесяти трех лет. Но если б захотела, то сошла бы за шестидесятипятилетнюю. А если бы прибегла к уколам красоты, то сбросила бы лет пятнадцать, поскольку не расплылась с возрастом и не высохла, осталась статной, осанистой.

Сменив халат с рубашкой на черные брюки и бордовую водолазку, Клавдия подошла к зеркалу, чтобы расчесаться. Когда она ходила в филармонию, то подкрашивала ресницы и губы, но в обычные дни косметикой совсем не пользовалась. Она и в молодости ею не злоупотребляла, но тогда и надобности в этом не было — Клавдия имела от природы яркую внешность. Темные волосы, глаза, брови, длинный прямой нос, алый рот с короткой верхней и полной нижней губой, тяжеловатый, но хорошей формы подбородок. Ее никто не называл красавицей, но все признавали эффектной. У мужчин Клавдия пользовалась большим успехом, но мало с кем удавалось построить длительные отношения. Их можно было пересчитать по пальцам одной руки. Клавдия подумала бы, что дело в ней, ведь характер ее никогда сахарным не был, если бы не муж, который обожал в ней все, даже этот самый характер. Многие считали мужа Клавдии подкаблучником, и только она знала, что ее Паша пусть и потакает ее прихотям, все важные решения принимает сам.

С ним Клавдия была по-настоящему счастлива. Целых пять лет. От него родила сына, хотя детей заводить не планировала и от других мужчин делала аборт. Увы, Паша погиб за два дня до своего сорокалетия. Стал жертвой разбойного нападения. Его, хорошо одетого мужчину с дорогим кожаным портфелем, ударили по голове в арочном проеме, когда он вечером возвращался домой. Ограбили и нанесли несовместимую с жизнью травму. Паша скончался в карете «Скорой помощи»...

Клавдия, вспомнив о покойном супруге, непроизвольно погладила обручальное кольцо. Она носила его в память о нем. У нее осталось только оно. Ни фотографий, ни подарков, ни... сына. Он погиб в подростковом возрасте. Сгорел при пожаре. А вместе с ним и фотографии, и подарки...

Петровская тряхнула головой, чтобы отогнать тягостные воспоминания. Настроение и так испорчено, а если она начнет ворошить прошлое, то впадет в полное уныние. Нужно взбодриться и пойти в магазин. Еда у Клавдии имелась, а вот коньяк кончился. Обычно полулитровой бутылки ей хватало недели на две, но на днях была година Паши, и она помянула мужа сотней граммов. Пила одна, закрывшись в комнате. Потом плакала. И то и другое Клавдия Андреевна себе редко позволяла. В ежовых рукавицах она держала не только окружающих, но и себя...

С некоторых пор!

Приведя себя в порядок, Клавдия покинула спальню, не забыв прихватить объемную связку ключей. Сначала она заперла свою комнату, затем двинулась к той, где обитал Гриша. «Оккупанты» не знали, что квартирная хозяйка может запросто проникнуть в их жилища. Наташке до этого дела не было, а вот Грише — да. Иначе он не сменил бы замок. Когда сломал

входной, то поменял и его, и индивидуальный. Сказал, акция была — два по цене одного. Но Клавдия Андреевна ему не поверила и умудрилась сделать дубликат. И как только жилец отправился на работу, проникла в его комнату. Туда ее привело не любопытство, она мало интересовалась людьми, а осторожность. Мало ли чем этот тихушник занимается в свободное от работы время! Может, наркотики принимает? Или фасует? А то и выращивает? Хранит ворованные сотовые телефоны, украшения? Снимает порноролики, в которых занимается самоудовлетворением с применением всяких омерзительных штук из срамных магазинов? Но ничего подозрительного Клавдия Андреевна в комнате не обнаружила. Ее только гитара удивила. Иметь ее и не играть? Странно это. Гриша приехал в Москву из Питера с рюкзаком и гитарой. То есть взял минимум вещей, лишь самое необходимое, но прихватил инструмент. Зачем, если тот ни разу не зазвучал? Дорог как память? Клавдия остановилась на этой версии. Сама она обручальное кольцо носит, хоть и овдовела тридцать пять лет назад, а кто-то гитару с собой таскает. Что ж, бывает и такое...

Наверное.

В комнату Гриши Клавдия больше не заходила. Но сегодня решила сделать это. Парень до этого по ночам не шарahalся. Являлся до полуночи даже в выходные и праздничные дни, когда люди его возраста тусовались если не в клубах и барах, то в гостях друг у друга. Да, бывало, что он пропадал на сутки-другие, но редко. Клава предполагала, что жилец навевдывается в Питер к родственникам. И всегда предупреждал, что будет отсутствовать. Но по будням среди ночи не заваливался. Гриша как примерный школьник вечерами сидел дома. Один! То есть не просто не водил гостей (это не одобрялось хозяйкой, а в позднее время — запре-

щалось), он ни с кем не общался в видеочатах. Та же Наташка постоянно названивала своим ростовским родственникам и подругам по скайпу, а Гришины компьютер и телефон не были оснащены камерами. Что странно! Это же не роскошь по теперешним временам. Но Гриша вообще был чудным. Он и одевался как старичок: тепло и удобно. Никаких тебе рваных джинсов, только шерстяные брюки с защипами и стрелками...

На которых Клавдия вчера заметила кровь.

Поранился? Но никаких повреждений на лице и руках.

Не кровь? Краска, кетчуп?

Но Клавдия очень хорошо знала, что такое кровь... И не спутала бы ее ни с краской, ни с кетчупом.

Отперев дверь, женщина зашла в комнату. Григорию досталась самая маленькая. Вообще квартира Петровской была шикарной. Не по состоянию, по сути. Да, она давно не знала ремонта, но была просторной, грамотно спроектированной, располагалась в добротном доме, где толстые стены, а потолки три двадцать. В ней имелось два балкона, один выходил из кухни, второй из двадцатипятиметрового зала. Естественно, Клавдия заняла именно его, хотя до «оккупации» обитала в комнате поменьше, той, которая досталась Наташке. Гриша же въехал в «келью» — длинную, узкую, мрачную. Даже прихожая была больше и приятнее на вид. До него не находилось желающих ее снять. Клавдия Андреевна сдавала одну комнату, большую и светлую. Наташкину. В ней жили и студенты, и украинская семейная пара. Когда она показывала «келью» соискателям, они кривились, воротили носы и требовали скидки. Петровская не уступала ни рубля. Она готова была терпеть еще одного оккупанта только за двести пятьдесят долларов в месяц, это и так немного,

если учесть, что дом находится в хорошем районе и рядом с метро.

И вот ее снял Гриша Матросов. Странный парень с гитарой, на которой не играет. Клавдия в первую очередь подошла к ней. Коснулась струн и обнаружила, что трех не хватает. При первом досмотре имелись все. Как Гриша смог порвать их, не играя?

Тут она заметила черный пакет у кровати. Заглянула в него. Не мусор, в нем лежали штаны. Те самые, вчерашние. С пятном крови. Она достала их, ковырнула ногтем. Не кетчуп или краска. Точно кровь. Приготовил портки на выброс, да забыл захватить пакет, выходя из дома. Клавдия вернула его на место. И махнула пальцами по гитаре.

В очередной раз убедившись в том, что Гриша Матросов странный, Клавдия Андреевна покинула его комнату. Но решила, что теперь будет следить за ним более пристально...

И обязует купить новый крючок в ванную!

Глава 5

Гриша сидел на пустой клетке, держа в одной руке бутылку молока, в другой пирог с вишней. У него осталось до зарплаты так мало денег, что он экономил на еде. На сегодняшний обед он потратил восемьдесят семь рублей, потому что из выделенной самому себе сотни изъял тринадцать на самый дешевый кошачий корм. Сейчас его уплетал черный перс Шах. Породистое животное невероятной красоты было найдено Гришей у мусорного бака, его побили и бросили умирать. Он привез кота в питомник и выходил. Когда Шах выздоровел, его, как и остальных, начали пристраивать. Роскошного молодого кота тут же взяла к себе одинокая учительница средних лет. Гриша

не сомневался в том, что у нее Шаху будет хорошо. Но спустя две недели кот появился в питомнике. Был худ, не так красив, как раньше, в его густой шерсти торчали репы, а на лапе застыла кровь, но доволен. Он убежал от учительницы. Не потому что она его обижала, просто он выбрал себе хозяина, и им стал Гриша. Взять Шаха к себе парень не мог — Клавдия Андреевна четко дала понять, что не потерпит в своем доме животных, но ему разрешили оставить его в питомнике, обязав кормить на свои деньги.

Шах управился со своим обедом раньше Гриши. Облизнувшись, подошел к хозяину и ткнулся башкой ему в ногу. Так кот требовал ласки. Но у Гриши обе руки были заняты, поэтому он легонько отпихнул животное, чтоб не мешало есть. Кот сощурил свои зеленые глаза и прыгнул Грише на колени. Пришлось запихивать остатки пирога в рот, быстро запивать его молоком и переходить к почесыванию ушка. Шах довольно замурлыкал, вольготно разлегся и с наслаждением выпустил когти в бедро Григория. Тот ойкнул, но кота не согнал, только лапы его переместил, теперь они свисали. Розовые подушечки были такими нежными и мягкими, что Гриша не удержался, пощекотал их, за что получил. Шах не любил, когда его щекочут, а еще гладят по пузу, и либо дрался, либо кусался, а в данный момент цапнул человека за палец.

— Терпила ты, Гриня, — услышал тут Матросов голос своего друга Ластика. Парня все называли так, и он не обижался, поскольку фамилия его была Ластов. Ластов Илья Константинович — Ластик. — Кот над тобой измывается как хочет, а ты его гладишь и кормишь на последние деньги.

— Он меня любит.

— Да, как своего питомца. Это ты думаешь, что он твой зверек, на самом деле — ты его. — Ластик подо-

шел и уселся на другую клетку — их во дворе стояло несколько. Именно в таких привозили бездомных животных в питомник. — Ты вообще в курсе последних открытий ученых? Они выяснили, что мурлыканье котов — все равно что победная песня. Эти усадые-полосатые, усаживаясь вам на руки, чувствуют полную над вами власть и довольно мурчат. Они четвероногие Гитлеры.

— Ты кошко-расист, и это давно известно, — хохотнул Гриша.

Ластик был водителем фургона, на котором ездили те, кто отлавливал бездомных животных. И в приюте «Усы, лапы, хвост», где Костя и Гриша находились сейчас, подрабатывал бухгалтером. С животными он контактировал мало, но если к кому и проявлял интерес, так это к собакам. К себе двоих забрал, больше не мог, жил в крохотной квартирке.

— Нет, некоторые коты мне нравятся: ласковые, преданные, благодарные.

— Похожие на собак, в общем.

— Возможно. Но, увы, таких я встречал редко. Все в основном такие же противные, как Шах.

Кот как будто понял, что речь идет о нем. Он перестал урчать, наострил уши и начал бить хвостом.

— Ты вчера так ко мне и не приехал, — продолжил диалог Ластик, — хотя тебя все ждали.

Друг отмечал день рождения накануне и собирал самых близких у себя дома.

— Прости, не смог.

— Но ты же обещал, — обиженным голосом проговорил Ластик. — И даже звонил мне, когда выходил из дома, заверял, что будешь через часа полтора, а потом отключил телефон.

— Он сел, я же тебе объяснял утром. У меня аппарат дохлый.

— Но я так и не понял, что помешало тебе приехать?

Гриша придумал несколько версий, но сейчас все они казались сомнительными. Да и врать другу трудно, не то что остальным. И он болтнул то, что вдруг пришло на ум:

— В метро с девушкой познакомился. Так она мне понравилась, что пошел ее до дома провожать.

Ластик присвистнул. У него с противоположным полом не ладилось, но он все же иногда вступал в кратковременные отношения с барышнями. Гриша же, с которым они уже почти два года дружили, ни разу не был замечен с дамой. И ни про одну не рассказывал. Кто-то считал его геем, кто-то евнухом, а Ластик решил, что Гриша пережил любовную драму (из-за этого в корне поменял жизнь) и все еще зализывает душевные раны. Матросов не стал разубеждать Илью. Зачем? Правды все равно не расскажешь, так к чему выдумывать что-то, если уже есть готовая версия? Тем более она очень популярная. Примерно одно и то же думают люди, знакомясь с ним.

— Гринь, я не верю ушам, — воскликнул Ластик. — Ты наконец влюбился?

— Заинтересовался, — поправил его Гриша и скинул кота с колен. Тому не понравилось, когда о нем заговорили плохо, но еще больше то, что перестали говорить совсем, поэтому он куснул хозяина за колесо, напоминая о себе.

— И чем все закончилось?

— Обменялись номерами.

— Ты уже ей звонил?

— Нет.

— Почему? — взревел Ластик.

— Что я могу ей дать? Я зарабатываю так мало, что мне хватает лишь на аренду комнаты, еду и проезд. Я не

могу ее никуда пригласить. Кафе, кино, боулинг... Даже к себе домой — Клавдия Андреевна не разрешит.

— Тебе давно пора сменить жилье, Гриня.

— Да, я всегда могу переехать под мост или в подвал.

— Найди компаньона, молодого, адекватного, и арендуй вместе с ним двушку за МКАД. Те же деньги, но условия лучше.

— Если бы ты был красивой девушкой, то с радостью отправился бы на свидание с парнем, у которого ни гроша за душой? Ехал бы на метро, потом на маршрутке, чтобы посидеть с ним на продавленном диване и выпить дешевого игристого с шоколадкой «Альпен Голд»?

— Если бы он мне нравился, то да.

— Жаль, что ты не красивая девушка, — не удержался от шутки Гриша. Хотя и устыдился того, что шутка не смешная.

— Но ты можешь найти более денежную работу.

— Мне нравится эта.

— Эх, мне бы твои таланты и внешность... Я бы точно не прозябал тут.

Ластик был закомплексованным парнем и не скрывал этого. Он переживал из-за своих кривых ног, зубов, двух пальцев на правой руке, поврежденных в детстве. Стыдился родителей-пьяниц. Смущался, признаваясь в том, что не получил образования, но смог благодаря бирже труда окончить водительские и бухгалтерские курсы и был взят на работу в питомник по знакомству. Поспособствовала трудоустройству Ластика директриса Алла Петровна, когда-то возглавляющая детский дом, в который отправили Илью после того, как его мать с отцом лишились родительских прав. И при всем при этом он оставался неунывающим парнем с добрым сердцем. Тем, кому повезло в жизни больше, не завидовал, но недоумевал, почему они не

могут устроиться лучше его. Сколько раз Ластик вслух мечтал о том, как поменяется с Гришей телами. Для начала он взял бы небольшой кредит, чтобы купить красивых вещей на сезонной распродаже, постричься у хорошего мастера, приобрести парфюм. Оттюниковавшись так, он отправился бы на «съем». Перепробовав за пару недель дюжину девушек, на каждую из которых потратил бы несколько сотен рублей — на розу, пирожное и чашку кофе, он занялся бы поиском новой работы, благо имеется диплом о высшем образовании. Пока ходил бы по собеседованиям, играл на улице, и копеечку зарабатывая, и красуясь. «В принципе и кредита не надо, — поправлял самого себя Ластик, когда его фантазия разыгрывалась, и ее было не унять. — Красавчик с гитарой и в потрепанных шмотках привлечет даму. Возможно, богатую, тогда и о работе не стоит переживать — она обеспечит. Или пристроит удачно...»

Гриша Матросов слушал друга с неизменной улыбкой. Сначала искренней, потом натянутой, потому что начинал вспоминать то, о чем мечтал забыть...

* * *

Он рос в неполной, но замечательной семье. Дедушка, бабушка и мама делали все, чтобы Гриша не чувствовал себя ущербным из-за того, что у него нет отца. Родительница, как говорили когда-то, нагуляла его от случайного мужика. Естественно, Гришу пытались убедить в том, что его папа погиб, спасая детей из огня, даже показывали фотографии молодого мужчины-пожарного, но мальчик понимал, что его обманывают. Деда с бабкой выдавали глаза, маму голос. Гриша с младых ногтей остро чувствовал фальшь, но чтобы не расстраивать близких, делал вид, что верит им.

Он рос способным ребенком. Одинаково хорошо успевал по всем предметам. Ему давались и точные, и гуманитарные науки. А еще он был в меру спортивен и невероятно музыкален. И в этом была заслуга деда с бабушкой. Первый закалял внука и учил подтягиваться, вторая — играть на гитаре. Оба представителя старшего поколения семьи были педагогами. Дед — заслуженный тренер России, бабушка в молодости играла в ансамбле народных инструментов, а в зрелости преподавала в музыкальном училище. Мама Гриши работала конструктором, и от нее он взял способность к точным наукам. А гуманитарный талант, по всей видимости, он получил от отца, но как узнаешь, если вся семья сошлась на том, что он пожарный, геройски погибший, спасая детишек?

Гриша рос в любви и заботе. Ему бы радоваться, но что-то напрягало. Пока был маленьким, не понимал. А когда подрос, как в народе говорится, врубился... И мама, и бабушка с дедушкой проявляли любовь и заботу так старательно, как будто играли роли мегаположительных героев. Гришу ни разу не наказали, и это при том, что он не всегда вел себя как пай-мальчик. Мог надерзить, прогулять урок, завалить зачет. В драках Гриша не участвовал, но школьную мебель портил: то вырезал что-то на партах, то стулья в окно выкидывал забавы ради. В четырнадцать лет разбил машину деда, взяв ее без спросу. Но даже за это ему не влетело. Грише сделали внушение и отправили к себе в комнату. Как будто он пенал потерял, а не расколотил «Волгу», на которой семья ездила за крупными покупками и на дачу.

«Я приемыш, — первое, что подумал Гриша. — Меня взяли из детского дома и теперь боятся травмировать мою слабую психику, потому что настоящие родители были... Да мало ли кем они были! — Но тут

же возражал себе: — Я копия мамы. А она в отца, то есть в дедушку, и во мне многое от него. Нет, я родной. Но что же тогда? Я смертельно болен? И умру до двадцати? Поэтому дед меня и закаляет?»

Но эту версию Гриша тоже отмел, поскольку видел свою медкарту. Он здоровый сын своей матери, рожденный, опять же если выразаться по старинке, во грехе. И, по всей видимости, в этом все дело. Гриша не мог знать, от кого мама забеременела и при каких обстоятельствах, но ее история явно выходила за рамки. Мелькнула мысль о том, что ее изнасиловал маньяк, но жертва решила оставить ребенка. И родители ее в этом поддержали. Теперь растят мальчика, зачатого от психопата, во всеобъемлющей любви, чтоб не дай бог папины гены не выиграли. И Гриша как-то выпалил эту свою бредовую версию за семейным ужином, чтобы посмотреть на реакцию близких. Те пришли в недоумение, граничащее с ужасом, и отключили кабельный канал, по которому показывали триллеры.

По окончании школы Гриша поступил в престижный вуз на бюджетное отделение. Родные очень им гордились. И хвалили, хвалили... Парня это смущало. Не в космос же полетел. На их курсе все молодцы, не только он. А сколько таких по стране. Но предков было не унять. Поэтому, когда Гриша понял, что учится не там и не тому, сцепил зубы и продолжил грызть гранит науки. А хотелось бросить институт и, взяв гитару, отправиться в путешествие по российской глубинке. Играть в электричках и на главных улицах провинциальных городов. Постигать жизнь, которую он, собственно, не видел совсем. Дед часто говорил, что она лучший учитель. Но внука к ее урокам не допускал. Гришу чрезмерно опекали, загоняли в рамки, отгораживали от жестокого мира забором из любви и заботы. Такой преодолеть сложнее, чем тот, что из

колючей проволоки. Пораниться самому — это одно, поранить близких — другое.

Он всегда любил животных больше, чем людей. К счастью, ему разрешали заводить себе питомцев. У Гриши были и собаки, и кошки, и хомяки. Когда он учился в одиннадцатом классе, то заикнулся о том, что хотел бы стать ветеринаром. И учиться на него в техникуме. Родные посмеялись, решили, что он шутит. Гриша не стал на своем настаивать, но все годы учебы в институте думал о том, что создан не для того, чтобы управлять людьми. У него лучше получилось бы помогать животным.

Отдушиной для Гриши служила музыка. Он играл в группе. Но опять же не совсем то, что хотелось бы. В их репертуаре были в основном классические рок-баллады, которые полюбились людям. Исполняя их, можно было отлично заработать. Группа для того и создавалась бедными студентами. Главное — срубить бабла, а творчество второстепенно. Но без него все равно никуда, поэтому они исполняли и свои композиции. Однако они не пользовались успехом. Зритель, послушав пару неизвестных песен, требовал «Холидей» или «Дым на воде».

Получив диплом, Гриша устроился на работу. Вернее, тепленькое местечко для него выбил дед. Один из его воспитанников занял довольно высокий пост в мэрии и по просьбе тренера взял к себе его внука. Платили Грише хорошо. Обязанностей было немного. Он ходил на службу в красивом костюме, питался бесплатно, имел возможность обзавестись связями. Но не то что счастья, довольства жизнью Гриша не ощущал! Однако ярмо тянул. И продолжал бы это делать, если бы не правда, которую он неожиданно узнал о себе...

Гриша был в курсе того, что у мамы когда-то была сестра. Они родились в один год, но та была младше на

десять с половиной месяцев. Бабушка кормила грудью первенца, думала, не забеременеет, но оплодотворение произошло, и на свет появилась еще одна девочка. Деду с бабкой было тяжело. Одна ходить начала, за ней глаз да глаз, а вторую к груди подносить. Ладно хоть обе девочки здоровенькими родились. И такими похожими, что не отличить. Старшая худенькая, младшая крепкая, их в детском садике за близнецов принимали. Сестры были очень дружными. Никто не замечал, чтобы они ругались, а тем более дрались. Гриша видел в семейном альбоме фотографии. Девочки всегда рука об руку.

Младшая погибла, когда ей было пятнадцать. Она занималась прыжками с трамплина, поехала на соревнования в Коми АССР, там неудачно приземлилась, сломала позвоночник и скончалась в больнице. Похоронили девочку там же, не стали ее тело перевозить в Ленинград.

...Такой была официальная версия. Гриша ее принимал, хотя, как в случае с отцом-пожарным, чувствовал какую-то фальшь. Но что ему до тетки, умершей задолго до его рождения?

Гриша что-то искал в книжном шкафу, когда из него вывалился один из томов истории КПСС, а из него в свою очередь фото. На нем мама и... сестра? Но как такое возможно, если тетка умерла в пятнадцать, а девушкам на фото было за двадцать? Гриша перевернул снимок, вдруг там есть надпись, но увы... Он взял фотографию и ушел к себе в комнату, чтобы досконально ее изучить. Судя по одежде и прическам, она сделана в самом начале девяностых. Челки «петушки», кофты «лакоста», лодочки с каблучком «рюмочка». У мамы было много фотографий того периода. Но ни на одной он не видел девушку, так похожую на нее...

И Гриша решил спросить напрямую, кто она. Мама не то что ступевалась, она чуть сквозь землю не про-

валилась. Грише казалось, что под ней пол прогибается и вот-вот разверзнется бездна, в которую ухнет женщина, которая его родила.

— Я устал от лжи, — сказал Гриша. — Неужели вы думаете, я такой дурак?

— Нет, ты большой умница. Мы тобой гордимся, — запела мама привычную песню.

— Это твоя сестра на фото? Она же, я вижу. Значит, она не погибла, прыгнув с трамплина.

— Нет, она погибла, выпав из окна.

— Суицид?

— Психическое заболевание.

— Расскажи мне.

— Зачем, сынок? Это те скелеты, которые не стоит доставать из шкафов.

— Если я не узнаю правды, то уйду из дома.

— Милый, ты давно не подросток. Ты взрослый мужчина, с образованием, положением...

— Я запоздал с ультиматумами, понимаю. Но лучше поздно, чем никогда... — Гриша чувствовал, что теряет над собой контроль. — Я требую ПРАВДЫ!

— Не кричи на мать, — услышал он. Когда обернулся на голос, увидел деда. За его спиной стояла бабушка. И она почему-то плакала. — Вообще не смей разговаривать с кем-то из нас на повышенных тонах. Мы все для тебя сделали.

— Это я знаю. И не устаю рассыпаться в благодарностях. — Гриша дурашливо поклонился.

— Сарказм? Тебе не идет.

— Дед, давай уже поговорим, как мужик с мужиком. А женщины пусть уйдут. Бабуля уже залила полкомнаты слезами, скоро и мама поплывет.

— Мы одна семья, — покачал головой дед. — И друг за друга горой. Так что терпи сырость. И слушай.

— Не надо! — выкрикнула бабушка.

— Похоже, он не оставил нам выбора. — Дед указал на кресло, и Гриша опустился в него. Остальные сели на диван. Плечом к плечу. Точно, горой друг за друга. — Сестру твоей мамы звали Катериной, и ты это знаешь. Все, что мы рассказывали о ней, было правдой... До определенного момента. В пятнадцать лет Катю как подменили. Она на самом деле занималась прыжками с трамплина и ездила на соревнования, и мы ждали от нее побед, но она вдруг бросила спорт. Сказала, что надоело. А потом выяснилось, что она влюбилась в совершенно неподходящего парня.

— Чем он был плох? — поинтересовался Гриша.

— Всем. Он был гопником. Человеком низкого социального статуса, малообразованным и не имеющим моральных принципов. Катя встречалась с ним несколько месяцев, пока не забеременела. О своем интересном положении она сообщила своему «принцу», но тот, что естественно, испугался и сбежал. Катя напилась таблеток, которые, как она думала, избавят ее от плода, но довели до комы. Она находилась на грани жизни и смерти три дня, еще неделю в вегетативном состоянии пребывала. Но оклемалась. От плода, естественно, пришлось избавиться. Кате сделали аборт. Полноценный. То есть не вакуумом что-то отсосали, а крючком вычистили матку. Казалось бы, она получила урок на всю жизнь, но нет. Наша дочь как будто решила, что бессмертна и может теперь пуститься во все тяжкие.

— Она сбежала из дома в шестнадцать, — продолжила рассказ бабушка. — Ей оставалось доучиться в школе всего ничего — пару месяцев. И она получила бы аттестат, потому что сестра была рядом, делала за нее уроки, давала списывать, улаживала конфликты. Но Катю изнутри рвали демоны. Она не рассуждала здраво. Потом просто бросила и нас, и школу. Оста-

вила записку — не ищите. Но мы подали в розыск. И ждали, что Катюшу найдут. Но она пропала. На долгие четыре года. А потом вернулась...

— Я была дома одна, — включалась в разговор мама. — Занималась. Вдруг звонок. Открыла дверь, а там сестра. И как будто совсем не изменилась. На меня так же похожа, только симпатичнее. Она всегда была ярче меня. Из-за выражения глаз, что ли? В них огонь, вызов. В моих смирение.

— Хватит выдумывать, — осадил ее дед. — Катя нравилась мужчинам потому, что была... Кхм, темпераментной особой. Стреляла глазами, кокетничала, давала надежду...

— И не только ее? — оборвал его Гриша. — Себя тоже не берегла?

— Как оказалось, даже проституткой подрабатывала, — снова не удержалась бабушка. Она меньше остальных старалась достойно подать семейную историю. — На трассе стояла. И не стыдилась в этом признаваться. Когда она это все вывалила, я подумала, наговаривает на себя. Сочиняет, чтобы сделать больно нам с отцом. Ей почему-то всегда казалось, что мы меньше ее любим. Она даже придумала себе, что я хотела сделать аборт. Но не было такого. Да, меня шокировала весть о том, что у меня будет еще один ребенок не через несколько лет, а совсем скоро, но я не пыталась от него избавиться.

— Мы приняли блудную дочь, — не дал развить эту тему дед. Он стремился к сути. — Я опасался, как бы она дурно не повлияла на сестру, поэтому приглядывал. А Катя считала, что контролировал каждый ее шаг. Но и уйти не могла из дома, потому что денег не зарабатывала. Натурой не могла, нахватала кучу болячек и долго от них лечилась, а вкалывать не хотела. Через два месяца я пристроил Катю в свою спортшколу